

П Р И Б А В Л Е Н І Я
КЪ

ЦЕРКОВНЫМЪ

XXVI Г. ИЗД.

ВѢДОМОСТЯМЪ,

№ 33

ИЗДАВАЕМЫМЪ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ

17 августа

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

1913 года.

не стало бы ставить этого вопроса, такъ какъ изъ данныхъ мѣстъ оно могло бы узнать, можетъ ли самъ епископъ безъ епархіального суда наложить запрещеніе священнослуженія на священника. Но многіе ли между сербами имѣютъ и знаютъ мои книги, да если случайно и имѣютъ, станутъ ли они затруднять себя перелистывать эти толстыя книги? Въ виду этого, а также въ виду того, что упомянутое лицо ссылается на практику русской Церкви, на каковую практику я не обратилъ достаточно вниманія въ моихъ книгахъ, я отвѣчаю на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Какъ обстоитъ дѣло въ настоящее время въ русской Церкви, объ этомъ говоритъ 155 членъ устава русскихъ консисторій 1883 года. Членъ этотъ напечатанъ въ § 145 моего «Церковнаго права» и это имѣетъ эту книгу, можетъ его прочитать¹⁾. По этому члену всякій русскій епископъ

¹⁾ Вотъ эта статья: «Судопроизводству непосредственно архіерейскому принадлежать: а) проступки невѣдѣнія и нечаянности, требующіе исправленія и очищенія совѣсти священнослужительской іерархическимъ дѣйствіемъ архіерея и неудобоподвергаемые гласности и формамъ обыкновеннаго суда; б) вообще проступки противъ должности и благоповеденія, несоединенные съ явнымъ вредомъ и соблазномъ, замѣченные въ священнослужителѣ, котораго прежде поведеніе было неукоризненно; в) жалобы, приносимыя именно съ тѣмъ, чтобы неправильно поступившаго исправить архіепастырскимъ судомъ и названіемъ безъ формальнаго судопроизводства. Въ такихъ случаяхъ епархіальный архіерей можетъ поручать непосредственно отъ себя благочинному или другому довѣренному духовному лицу произвестъ негласное дознаніе, и если справедливость оговора или замѣчанія подтверждается, — то вызвать обвиняемаго къ себѣ, испытывать совѣсть его и, смотря по проступку и признакамъ раскаянія, отпустить прямо на мѣсто съ пастырскимъ вразумленіемъ, или при томъ наложить приличную епитимію, съ прохожденіемъ оной на мѣстѣ или въ архіерейскомъ домѣ, до двухъ недѣль. Въ епархіяхъ, которыя расположены на большихъ пространствахъ или гдѣ вызовъ подобныхъ людей неудобенъ по отдаленности, архіерей поручаетъ вразумленіе обвиняемаго кому-либо изъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, или подвергаетъ его епитиміи съ устраненіемъ на означенное время (до двухъ недѣль) отъ священнослуженія. На таковыя распоряженія архіерея жалобы не допускаются, и сіи случаи не вносятся въ формулярные списки».

Переводчикъ.

Единоличный судъ епископа надъ священниками¹⁾.

Ко мнѣ обратились съ вопросомъ: можетъ ли епископъ единолично и безъ формальнаго церковнаго суда подвергнуть наказанію запрещеніемъ священнослуженія подчиненнаго ему священника? Этотъ вопросъ былъ поставленъ мнѣ въ связи съ современной практикой русской Церкви, позволяющей это епископамъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ.

Если бы спросившее меня лицо прочитало § 20 моего «Церковнаго уголовного права» или мое толкованіе 5 правила I вселенскаго собора, 4 правила VII вселенскаго собора и 132 и 133 правилъ кареагенскаго собора, то, безъ сомнѣнія, оно

¹⁾ Переводъ статьи извѣстнаго канониста епископа Никодима (Милаша), бывшаго Далматинскаго, помѣщенной въ «Архивъ за правне и друштвене науке» и затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: Дг. Никодим Милаш. «Самолични епископовъ суд надъ свештеницима». Београд. 1913.

имѣть право самъ, по своей личной власти и безъ консисторіи, запретить въ священнослуженіи на двѣ недѣли всякаго подчиненнаго ему священника, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ въ это время понести извѣстную епитимію въ назначенномъ епископомъ мѣстѣ.

Опредѣленіе этого члена русскаго консисторскаго устава, взятое само по себѣ, можетъ показаться несогласнымъ съ другими каноническими предписаніями, почему самъ я въ другомъ мѣстѣ заявилъ, что безъ формальнаго церковнаго суда никакое церковное наказаніе за какой-либо проступокъ не можетъ быть наложено. Въ канонахъ запрещается подвергать какому-либо церковному наказанію безъ формальнаго церковнаго суда и порицаются тѣ епископы, которые, единолично и обходя предписанный уголовный судебный процессъ, наложить какое-либо наказаніе на духовное или свѣтское лицо. Древній церковный уставъ IV вѣка въ своемъ 32 правилѣ говоритъ: «Епископъ да не рѣшаетъ никакой тяжбы безъ присутствія своихъ клириковъ, въ противномъ случаѣ пусть не имѣетъ силы всякое осужденіе епископа, если оно не подтверждено присутствіемъ клириковъ». Апостольскія Постановленія, законодательный сборникъ того же вѣка, въ 47 главѣ IV книги говоритъ то же самое, опредѣляя, кто долженъ составлять судъ и каковъ долженъ быть порядокъ судопроизводства¹⁾. То, что говорятъ эти церковно-правовые памятники первыхъ вѣковъ христіанства, то же самое было и въ продолженіи всѣхъ вѣковъ исторіи Церкви, а именно, что всѣ судебныя дѣла, касающіяся духовенства, разсматривали и рѣшали духовные суды, состоявшіе при епархіальномъ епископѣ и помогавшіе ему въ осуществленіи его права произнесенія приговора и наложенія церковныхъ наказаній.

¹⁾ «На судилищѣ же пусть присутствуютъ съ вами діаконы и пресвитеры, судя, какъ люди Божіи, съ справедливостью и нелицеприятно». «Пост. Апост.» II, 47, Казань 1864, стр. 78.

Переводчикъ.

14 сардикійское правило, предусматривая случай, когда «нѣкій епископъ, склонный ко гнѣву (что въ таковомъ мужѣ не должно имѣть мѣста), внезапно былъ раздраженъ на пресвитера или діакона, восхопчетъ изринуть нѣкоего изъ церкви», опредѣляетъ, что такой поступокъ епископа нельзя одобрить, а нужно, чтобы соборъ¹⁾ епископовъ разсмотрѣлъ данный проступокъ и установилъ, заслуживаетъ ли извѣстное лицо наказанія. Седьмой вселенскій соборъ 4 своимъ правиломъ осуждаетъ епископа, который самъ отлучитъ своего клирика за какое-либо противозаконное дѣло²⁾. Кароленскій соборъ своимъ 133 правиломъ осуждаетъ епископа, который неосмотрительно отлучитъ кого-либо отъ церковнаго общенія, а 132—епископа, отлучающаго отъ церковнаго общенія того, кто самъ наединѣ исповѣдуетъ ему какой-либо свой проступокъ. Всѣ эти и сходные съ этими по содержанию правила имѣютъ въ виду, съ одной стороны, отстоять основное правило всякаго упорядоченнаго общества, чтобы только послѣ правильнаго и тщательнаго изслѣдованія дѣла производился судъ и налагалось соответствующее наказаніе, а съ другой стороны, имѣютъ въ виду и человеческую немощь, отъ которой могутъ быть несвободны и епископы, чтобы изъ-за этой немощи не пострадали невинные и не потерпѣли наказанія, какового они на самомъ дѣлѣ не заслуживали.

Обративъ вниманіе на упомянутый членъ русскаго консисторскаго устава, одинъ русскій профессоръ церковнаго права (покойный Н. Суворовъ) высказалъ мнѣніе, что опредѣленіе это внесено въ «Уставъ» изъ римско-католическаго церковнаго права, въ которомъ признается законнымъ всякое осужденіе, которое по какому-либо дѣлу про-

¹⁾ Въ правилѣ говорится собственно о митрополитѣ области или о сосѣднемъ епископѣ, а не о соборѣ.

Переводчикъ.

²⁾ Правило это запрещаетъ не единолично осужденіе епископомъ клирика, а лишь осужденіе по личнымъ корыстнымъ мотивамъ со стороны епископа «ради истязанія злата, или иного чего, или по нѣкоей своей страсти».

Переводчикъ.

изнесеть епископъ въ отношеніи къ подчиненному ему священнику *ex informata conscientia*, т. е. по своей личной увѣренности, безъ формальнаго церковнаго суда.

Справедливо, что есть нѣкоторое внѣшнее сходство между опредѣленіемъ русскаго консисторскаго устава и тѣмъ, что предписываетъ римско-католическое церковное право.

До тридентскаго собора (1545—63) и въ римской церкви дѣйствовало правило, что никакой епископъ безъ формальнаго суда не можетъ осудить какого-либо священника, т. е., то же самое правило, что и въ православной Церкви. Въ числѣ многочисленныхъ реформъ, особенно въ области церковной дисциплины, соборъ этотъ, въ интересахъ болѣе легкаго достиженія подчиненности духовенства, какъ говоритъ Hinschius, особенно въ виду того, что епископы до того времени не имѣли власти за разные преступленія клириковъ, оставшіяся тайными, запрещать таковымъ клирикамъ получать высшія степени или отрѣшать ихъ отъ священнослуженія, установилъ закономъ, чтобы епископы не были связаны условіями формальнаго судебного процесса въ отношеніи къ проступкамъ подчиненнаго имъ духовенства, но чтобы они могли по своей совѣсти (*ex informata conscientia*), безъ судебного процесса (*extra iudicialiter*) и по всякой причинѣ (*ex quacunque causa*) отрѣшать отъ священнослуженія всякаго своего клирика. Свое осужденіе епископъ можетъ сообщить виновному безъ всякой мотивировки и даже безъ объясненія, за какую вину запрещаетъ онъ его въ священнослуженіи. Соборъ не ограничилъ продолжительность такого отрѣшенія, такъ что оно могло быть постояннымъ и только впоследствии было объявлено, что оно можетъ быть назначаемо лишь на нѣкоторое ограниченное время и слѣдовательно быть временнымъ. Противъ такого осужденія не разрѣшается апеллировать ни въ какую высшую судебную инстанцію; обжаловать его можно только передъ па-

пой и въ такомъ случаѣ епископъ долженъ мотивировать свое осужденіе, но и жалоба папѣ не отлагаетъ до папскаго рѣшенія исполненія осужденія. Эти опредѣленія тридентскаго собора вызывали сильную оппозицію со стороны многихъ лицъ въ продолженіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ, пока папа Пій VI не объявилъ въ своей буллѣ (1794), что всѣ подъ страхомъ анаемы должны подчиняться опредѣленію тридентскаго собора. Такой порядокъ дѣйствуетъ въ римско-католической церкви и въ настоящее время.

Мы сказали, что есть нѣкоторое сходство между этими опредѣленіями тридентскаго собора и упомянутымъ членомъ русскаго консисторскаго устава, но что опредѣленіе тридентскаго собора послужило источникомъ для этого члена, какъ то писалъ русскій профессоръ (извѣстный своею склонностью къ западничеству), утверждать это мы не смѣемъ, поскольку намъ извѣстна исторія русскаго церковнаго законодательства. При этомъ самое это сходство весьма относительно и о немъ можно говорить лишь съ точки зрѣнія внѣшней стороны этого опредѣленія, а не со стороны внутренней, не по сущности его.

Тридентскій соборъ даетъ епархіальному епископу неограниченную власть, чтобы онъ могъ по своей инициативѣ запрещать священника въ священнослуженіи за всякій проступокъ безъ исключенія и по всякой причинѣ (*ex quacunque causa*); а русскій консисторскій уставъ подробно перечисляетъ когда и за какія вины епископъ можетъ это сдѣлать. Данный членъ устава говоритъ: «судопроизводству непосредственно архіерейскому подлежатъ: а) проступки невѣдѣнія и нечаянности, требующіе исправленія и очищенія совѣсти священнослужителей іерархическимъ дѣйствіемъ архіерея и неудобоподвергаемые гласности и формамъ обыкновеннаго суда; б) вообще проступки противъ должности и благоповеденія, несоединенные съ явнымъ вредомъ и соблазномъ, замѣченные въ священнослу-

жителѣ, котораго прежде поведеніе было неукоризненно; в) жалобы, приносимыя именно съ тѣмъ, чтобы неправильно поступившаго исправить архипастырскимъ судомъ и назиданіемъ безъ формальнаго дѣлопроизводства». Опредѣленіе этого члена добавляетъ, что если епископъ, вызвавъ къ себѣ виновнаго, найдетъ за нимъ одинъ изъ упомянутыхъ проступковъ, то онъ подвергаетъ его вышеупомянутому наказанію, на которое жалобы не допускаются и которое не вносится въ формулярные списки. Какъ видно отсюда, существуетъ громадная разниа между тѣмъ, что предписываетъ русскій консисторскій уставъ и тѣмъ, что предписываетъ тридентскій соборъ. Цѣль опредѣленія собора состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно больше концентрировать власть въ рукахъ епископовъ, которые должны дѣйствовать въ интересахъ центральной церковной власти и поддерживать безусловное каноническое послушаніе высшей іерархіи со стороны духовенства; а цѣль опредѣленія русскаго консисторскаго устава состоитъ въ томъ, чтобы предупредить всякій явный соблазнъ, чтобы поддержать престижъ священника и чтобы священникъ, совершившій по невѣднію или по несмотрительности какой-либо проступокъ, былъ тайно исправленъ архипастырскимъ совѣтомъ и отеческимъ увѣщаніемъ. По первому опредѣленію случайное самовластіе и излишняя строгость епископа ничѣмъ не ограничены и епископъ даже не обязанъ указывать ту вину, за которую онъ осудилъ, тогда какъ по русскому закону, архіерей вызываетъ обвиняемаго къ себѣ, испытываетъ его совѣсть и, смотря по поступку и [по признакамъ раскаянія, можетъ отпустить его прямо на мѣсто съ пастырскимъ вразумленіемъ или при томъ наложить приличную епитимію. Сказанное здѣсь нами помимо всего прочаго, ясно показываетъ, насколько несправедливо утвержденіе упомянутаго русскаго профессора, что въ данномъ членѣ русскаго консисторскаго устава «русская церковь сдѣлала за-

имствованіе изъ католическаго церковнаго права».

По нашему разумѣнію упомянутое опредѣленіе русскаго консисторскаго устава вытекаетъ изъ общаго понятія объ архипастырской власти епископа въ своей епархіи, въ коей власти между прочимъ заключается обязанность стремиться къ тому, чтобы не было соблазна въ церкви и чтобы авторитетъ священниковъ, какъ духовныхъ пастырей народа, былъ сохраненъ; вытекаетъ изъ общаго правила, что безъ епископа церковный судъ не можетъ назначить никакого наказанія и что епископъ имѣетъ право смягчить наказаніе всякому виновному. Возможно, что это опредѣленіе основано и на буквальныхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ правилъ, напримѣръ, 32 апостольскаго правила, говорящаго: «Если который пресвитеръ или діаконь отлученъ будетъ отъ своего.¹⁾ епископа, таковаго пресвитера и діакона не смѣетъ принимать другой епископъ» или 4 правила Антиохійскаго собора, говорящаго: «Если который... пресвитеръ или діаконь, изверженный отъ сана своимъ епископомъ, дерзнетъ совершать какую-либо священную службу» и т. д. или 6 правила того же собора, предписывающаго: «если кто своимъ епископомъ отлученъ отъ общенія церковнаго, не можетъ быть принятъ другими епископами» и т. д. Толкователь Зонара въ толкованіи 4 правила Антиохійскаго собора такъ говоритъ о личномъ судѣ епископа надъ священниками: «Для суда надъ епископами, подвергшимися обвиненію въ преступленіяхъ, требуется соборъ, который судить и рѣшаетъ; а пресвитеры и діаконы и прочіе клирики судятся своимъ епископомъ и ему дана власть производить

¹⁾ Слово «своего» нѣтъ ни въ славянскомъ, ни въ греческомъ (S. II, 42) текстѣ правила, но оно несомнѣнно подразумѣвается, почему есть въ перифразѣ правила Аристинна (τοῦ ἰδίου), появившейся въ нашу Кормчую третьей и четвертой редакціей.

судь»¹⁾. Эти и другіе подобныя примѣры²⁾ не исключаютъ формальнаго судебного процесса при разборѣ проступковъ духовенства, но не исключаютъ и того, что епископъ, когда на лицо имѣются упомянутыя мотивы, можетъ судить священника и единолично въ тѣхъ границахъ и тѣмъ порядкомъ, которые предписаны въ современномъ русскомъ консисторскомъ уставѣ.

Разсматривая же вопросъ съ точки зрѣнія современныхъ нуждъ и замѣчая какъ ослабла у насъ священническая дисциплина, особенно въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ церквахъ, мы не только не можемъ осудить упомянутое опредѣленіе русскаго консисторскаго устава, но и полагаемъ, что опредѣленіе это должны принять и всѣ другія помѣстныя церкви, но вмѣстѣ съ обязательствомъ каждаго епископа быть всегда готовымъ, въ случаѣ предложенія, объяснить передъ соборомъ или синодомъ, ради какихъ побужденій запретилъ онъ въ священнослуженіи священника, обойдя обычный церковный судъ и правильный судебный процессъ.

С. Т.

¹⁾ См. Правила св. Помѣстныхъ соборовъ съ толкованіями, Изд. Моск. Общ. Л. Д. Просв. М. 1880, стр. 152.

Переводчикъ.

²⁾ Къ тому, что пишетъ еп. Никодимъ объ епископскомъ судѣ, начиная съ четвертаго вѣка, незлишне добавить, что пишетъ Н. Achelis въ своемъ новѣйшемъ изслѣдованіи «Христіанство въ первые три вѣка» («Das Christenthum in den ersten drei Jahrhunderten», Leipzig, 1912, 2 Band, S. 122—123). «Все производство суда отъ начала до конца находилось въ рукахъ епископа. Онъ опредѣлялъ, *долженъ ли проступокъ, дошедшій до его ушей, обсуждаться въ публичномъ судѣ*, онъ руководилъ судебнымъ засѣданіемъ, онъ опредѣлялъ наказаніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Закономъ, стоявшимъ выше опредѣленной отдѣльнаго судьи, въ древнѣйшее время считалось лишь одно Священное Писаніе; слова его въ устахъ знающаго Св. Писаніе епископа были сильнымъ средствомъ для того, чтобы облечь божественнымъ авторитетомъ его рѣшенія. Съ теченіемъ времени отсюда путемъ христіанской экзегетики и дѣятельности соборовъ возникли общія правовыя опредѣленія, урегулировавшія судебное производство и положившія границы воли епископа. Тѣмъ же менѣе несомнѣнно, не много было судей въ римскомъ государствѣ, которые бы были столь неограниченны въ своихъ полномочіяхъ и столь мало считались бы съ

вѣшними обстоятельствами, какъ христіанскіе епископы. Они сидѣли на сѣдалищѣ Христа и апостоловъ и творили судъ во имя Божіе (Дидаскалія 6, S. 19). Господь сказалъ: «Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ» (Мѣ. 18, 18). Это слово было сказано апостоламъ и въ полномъ объемѣ оно имѣло силу и въ отношеніи къ ихъ преемникамъ—епископамъ (Дидаск. 6, S. 19; 7, S. 28; 9, S. 50)... Душевное спасеніе паствы было поручено попеченію епископа и на немъ почивалъ Духъ Божій. Онъ получилъ отъ Бога тяжелую обязанность заботиться о духовномъ благополучіи вѣрющей ему паствы, въ его сердцѣ лежала судьба каждаго отдѣльнаго члена и за каждаго онъ долженъ былъ дать отчетъ въ день суда. Поэтому онъ долженъ былъ направлять къ благой дѣли жизнь порученныхъ его попеченію. Всѣ средства находились въ его распоряженіи. Онъ могъ въ проповѣди говорить о проступкахъ и предостеречь отъ нихъ. Если ему казалось, что какой христіанинъ стоитъ на опасномъ пути, то онъ могъ лично переговорить съ нимъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ онъ могъ договорить съ нимъ въ присутствіи паствы и, наконецъ, уже какъ послѣднее средство, въ его распоряженіи былъ формальный судъ... И быть можетъ никогда не стояло на такой высотѣ духовное и религиозное состояніе Церкви, какъ во второмъ и третьемъ вѣкахъ, когда христіане управлялись дѣятельными и простыми людьми, считавшимися лишь со страхомъ Божіимъ».

Переводчикъ.